

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВЛАСТНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ» И «СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2019

С.В. Юношев, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»

М.Ю. Жирова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

В.В. Убасев, студент юридического факультета

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; субъекты уголовного процесса; субъективные права; властные полномочия; дискреционные полномочия; императивные полномочия.

Аннотация: Статья посвящена проблеме соотношения ключевых понятий уголовного судопроизводства – «субъективные права» и «властные полномочия». Констатируется, что по сегодняшний день отсутствуют легальные определения этих понятий, доктринальные же толкования не решают проблему их многозначности, а следовательно, различного толкования как в теории процессуальной науки, так и в правоприменительной практике. Показывается, что в рамках уголовного судопроизводства в силу господства императивного метода правового регулирования само право любого участника уголовного процесса должно быть предусмотрено законом. В контексте рассматриваемого разграничения понятий авторы обращают внимание на разную правовую природу дискреционных и императивных полномочий. Подчеркивается, что в науке устоялась точка зрения о неразрывности субъективных прав и корреспондирующих им обязанностей у других субъектов в рамках конкретного правоотношения. Вместе с тем в статье обосновывается вывод, что такая связь применительно к властным субъектам уголовного судопроизводства не является столь очевидной. Такой подход в полной мере справедлив для императивных полномочий, а также для части дискреционных полномочий, но лишь тех, где закон допускает только активный вариант их реализации – через действия, но не бездействие. Исходя из этого, авторы рассматривают властные уголовно-процессуальные полномочия как частный случай субъективных прав, имеющие, однако, ряд существенных специфических черт. В статье также показывается, что понятие «полномочия» по общему правилу нельзя рассматривать как простую совокупность прав и обязанностей, поскольку права и обязанности применительно к властным уполномоченным субъектам зачастую представляют собой единое целое и составляют неразрывную систему.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим элементом любой отрасли права как в теоретическом, так и в практическом смыслах является ее понятийный аппарат [1–3]. Понятия, используемые в правовом регулировании, должны в полной мере отражать специфику тех правоотношений, явлений или действий, для обозначения которых они используются. Отсутствие определения того или иного понятия приводит к неоднозначному его толкованию.

Одними из основополагающих, фундаментальных понятий в юриспруденции и, в частности, уголовном процессе являются термины «субъективное право» [4–6] и «властные полномочия» [7–9]. Однако легальные определения указанных понятий на сегодняшний день отсутствуют.

Авторы ставят перед собой цель сформулировать точное и достаточное определение понятия «властные полномочия», которое отражало бы специфику данного термина, а также разграничить понятия «властные полномочия» и «субъективные права» применительно к специфике уголовно-процессуальных отношений.

Для достижения поставленной цели авторами выполнены следующие задачи: проведен сравнительный анализ предложенных учеными определений исследуемых понятий в рамках исследования отдельных институтов уголовно-процессуального права; проанализированы положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержание которых непосредственно относится к исследуемым понятиям; сформулированы авторские определения понятий «властные

полномочия» и «субъективные уголовно-процессуальные права»; проведен сравнительный анализ данных определений с целью их разграничения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Говоря о понятии субъективного права в целом, некоторые представители юридической науки советского периода, в частности Л.А. Пустобаева, указывали следующее: «Субъективное право есть установленная и обеспеченная законом мера, вид возможного (дозволенного) поведения субъекта права. С содержательной стороны это – мера юридической возможности, т. е. установленная правом сфера социально-правовой активности лица, границы проявления его инициативы, волеизъявления» [10, с. 49]. Еще один представитель советской юридической науки В.И. Ремнев отмечал, что «сущность права гражданина (его субъективного права) заключается в гарантированной возможности совершать определенные действия» [11, с. 26].

Таким образом, подразумевалось, что такая гарантия, так же как и наделение лица собственно субъективным правом, исходит от государства как носителя власти. В этой связи для отрасли уголовно-процессуального права справедливо будет утверждение, что само право лица должно быть предусмотрено законом. Такой вывод с неизбежностью вытекает из императивности уголовно-процессуального метода правового регулирования.

А.Ю. Котин выделяет еще одну немаловажную особенность субъективных прав как юридической категории.

Он отмечает, что «субъективное право не может существовать без корреспондирующих ему обязанностей. Последние помогают устранять препятствия, стоящие на пути удовлетворения интересов, отраженных в субъективных правах» [12, с. 28]. Доказательством этого тезиса служат положения действующего УПК РФ. Так, например, согласно п. 3, 4 ч. 4 ст. 56 УПК РФ свидетель вправе давать показания на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно. Данные субъективные права свидетеля корреспондируют обязанности должностного лица органа предварительного расследования привлечь к участию в деле переводчика в соответствии с ч. 1 ст. 169 УПК РФ.

Однако, обратившись к ч. 5 ст. 21 УПК РФ, мы увидим не столь однозначную связь. В данной норме говорится о праве прокурора после возбуждения уголовного дела заключить с подозреваемым или обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве. Но корреспондирует ли данное право властного субъекта (прокурора) обязанность подозреваемого (обвиняемого) заключить такое соглашение? Представляется, что в данном случае возможно двоякое толкование рассматриваемого правоотношения. С одной стороны, реализация прокурором своего субъективного права открывает для подозреваемого (обвиняемого) реальную возможность заключить такое соглашение. Таким образом, в этом случае для подозреваемого (обвиняемого) возникает новое субъективное право, которое до этого предполагалось законом лишь как потенциальное, а теперь может быть им действительно беспрепятственно реализовано. С другой стороны, вполне можно говорить о возникновении у подозреваемого (обвиняемого) обязанности принять решения о заключении или незаключении такого соглашения, и именно прокурор будет являться инициатором возникновения специфического уголовно-процессуального правоотношения как обладатель первичного субъективного права.

Представляется, что любое субъективное право состоит из отдельных частей – правомочий, посредством реализации которых и реализуется само субъективное право. Л.А. Пустобаева утверждает: «Общепризнанно, что главное в субъективном праве – возможность осуществлять собственные положительные действия, т. е. возможность управомоченного самостоятельно избирать пути и способы, проявлять инициативу и при помощи собственных активных действий достигать желаемой цели, удовлетворять свои интересы, потребности, пользоваться социальными благами» [10, с. 49]. Данное правомочие в составе субъективного права автор предлагает считать центральным [10].

Помимо возможности осуществления положительных действий посредством своего волеизъявления следует выделить и иные правомочия, составляющие конструкцию субъективного права. На наш взгляд, справедливо будет выделить следующие правомочия в составе субъективного уголовно-процессуального права: правомочие по реализации субъективного права; правомочие требования определенного поведения (совершения определенных действий) от противостоящего правообладателю субъекта; правомочие защиты интересов субъекта – правообладателя по реализации этого субъективного права (в виде гарантий,

а также ограничений для субъектов, противостоящих правообладателю).

Таким образом, основываясь на анализе вышеизложенных подходов к определению субъективных уголовно-процессуальных прав, авторы предлагают следующее определение: субъективное уголовно-процессуальное право – это предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации возможность субъекта уголовно-процессуальных отношений в рамках своего правового статуса посредством своего волеизъявления совершать определенные действия или воздерживаться от совершения таких действий, требовать совершения действий в интересах правообладателя от должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, требовать от уполномоченных органов защиты своих субъективных уголовно-процессуальных прав всеми предусмотренными законом способами.

Властные уголовно-процессуальные полномочия – конструкция, несомненно, похожая на субъективные уголовно-процессуальные права, более того, являющаяся частным случаем формы существования субъективных прав, но имеющая ряд существенных специфических черт.

Во-первых, необходимо отметить, что в современном уголовном процессе России процессуальные полномочия властных субъектов целесообразно подразделять на два вида: дискреционные полномочия и императивные полномочия. Под дискреционными полномочиями понимаются те из них, которые предполагают определенную автономию воли правоприменителя, однако в пределах, установленных уголовно-процессуальным законом [13–15]. Так, например, О.М. Ефремова указывает: «Дискреционные полномочия следователя – это право следователя выбрать в пределах имеющихся у него полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, вариант решения, поведения между двумя и более альтернативами, каждая из которых законна, с целью наиболее эффективного, целесообразного применения уголовно-процессуальных норм для достижения задач уголовного судопроизводства в той или иной конкретной ситуации» [16, с. 19].

Даже из данного определения хорошо видно, что дискреционные полномочия являются разновидностью субъективных прав. И если рассматривать как дискреционные полномочия не только те из субъективных прав правоприменителя, которые предусматривают несколько равнозначных вариантов реализации права в виде совершения определенных действий (то есть активного поведения правоприменителя), но и те, которые выражаются в форме воздержания от совершения активных действий, можно утверждать об отсутствии обязанности правоприменителя по активной реализации своих полномочий как обязательного признака рассматриваемой конструкции.

Учитывая данный вывод, авторы признают, что приведенный ранее пример с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 5 ст. 21 УПК РФ) как права прокурора иллюстрирует именно его дискреционные полномочия как частный случай субъективного уголовно-процессуального права. Если же говорить о разграничении этих двух понятий, то, на наш взгляд, основным критерием для этого является принадлежность

права властному субъекту. Так же важна и формальная, строго регламентированная процедура реализации полномочий в рамках правового статуса указанного лица.

Т.А. Степанова отмечает, что в публично-правовых отраслях, науке управления «полномочия рассматриваются как составная часть компетенции и статуса органа, должностного лица, некоторых иных лиц, реализующих функции, предусмотренные для них законодателем, выражающаяся в праве соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным в нормах права. При этом данное право рассматривается одновременно и как обязанность» [17, с. 60]. По нашему мнению, в этом определении полномочий допущена концептуальная ошибка. Она заключается в том, что данное определение справедливо лишь для императивных полномочий, а также части дискреционных полномочий – тех, для которых законом предусмотрен только активный вариант их реализации. Если же говорить о ситуации, когда прокурор, например, не примет решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, своим законным правом он не воспользуется вовсе. Следовательно, обязанность как таковая в содержании этой и подобных ей норм отсутствует. Поэтому рассматриваемое определение, по сути, необоснованно исключает целую категорию уголовно-процессуальных полномочий, а именно тех дискреционных полномочий, которые предполагают возможность отказа от их реализации путем совершения активных действий, т. е. допускают как правомерный вариант поведения бездействие уполномоченного лица.

Отметим, что понятие «полномочия» законодатель не всегда употребляет применительно к субъекту, обладающему каким-либо властным статусом. Например, И.А. Насонова и Т.А. Степанова справедливо указывают, что «термины "полномочия", "уполномочен" используются законодателем главным образом применительно к участникам уголовного судопроизводства, обладающим властным ресурсом (прокурор, орган дознания, дознаватель, следователь, начальник подразделения дознания и др.). В редких случаях в уголовно-процессуальных нормах говорится о полномочиях других лиц, не обладающих указанным признаком (например, о полномочиях защитника в соответствии со ст. 53 УПК РФ)» [18, с. 111]. Однако из анализа ст. 53 УПК РФ мы видим, что «полномочия» защитника есть не что иное, как его субъективные уголовно-процессуальные права. Те права защитника, которые указаны в п. 1 ст. 53 УПК РФ, не являются одновременно его обязанностями и в категорию императивных полномочий входить никак не могут. Что касается отнесения прав защитника, установленных в п. 1 ст. 53 УПК РФ, к категории дискреционных полномочий, то, на наш взгляд, это также невозможно. Дело в том, что указанные права защитника не имеют властного начала, и так или иначе все они предусматривают необходимый контакт защитника с властными субъектами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда с целью фактической их реализации.

Обратимся к другому аспекту рассматриваемого вопроса. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства А.Я. Климова определяет как «совокупность прав и обязанностей, предусмотренных уголовно-процессуальными нормами, посредством ко-

торых прокурор реализует свои функции..., выражающиеся в проверке законности уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования, полноты и обоснованности проведенного расследования, в целях обеспечения защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [19, с. 89]. Таким образом, автор данного определения очевидно трактует понятие «полномочия» как простую совокупность прав и обязанностей, но не как права и обязанности, представляющие собой единое целое и составляющие систему. Данный подход противоречит приведенному выше определению Т.А. Степановой, а также ставит вопрос об отнесении субъективного права и юридической обязанности лица к категории полномочий по единственному критерию – принадлежности права (обязанности) властному субъекту правоприменения.

На наш взгляд, такой подход не является бесспорным. Использование всего лишь одного критерия для разграничения смежных категорий не позволяет в полной мере учесть все возможные аспекты при разграничении рассматриваемых понятий и не решает проблемы, связанной с множественностью вариантов толкования данных терминов и ошибочного отнесения к ним тех категорий, которые, по существу, ничего общего с ними не имеют.

Исходя из этого, авторы статьи не могут в полной мере согласиться с приведенным выше определением А.Я. Климовой и считают, что оно не отражает всю специфику рассматриваемой правовой категории. Тем не менее в качестве одного из критериев для определения понятия властных уголовно-процессуальных полномочий, принадлежность права (но не обязанности) властному субъекту – правоприменителю – использовать вполне целесообразно. В поддержку такого подхода можно привести и тезис Л.Н. Масленниковой, которая отмечает, что «в действующей редакции УПК РФ содержится около 35 упоминаний слова «обязанность», как правило, это касается обязанностей частных лиц и только иногда речь идет об обязанностях государственных органов и должностных лиц» [20, с. 41]. Исходя из этого, мы можем утверждать, что наличие обязанности как меры должного (обязанного) поведения участника правоотношения, обеспеченной возможностью применения государственного принуждения, вне структуры полномочия как единого целого, нехарактерно для властного субъекта – правоприменителя.

О единстве права и обязанности в составе полномочия говорит и Н. Егорова: «Полномочия как правовая категория кроме права характеризуются обязанностью наделенного ими субъекта действовать в предусмотренной законом, иным правовым актом ситуации способом, предусмотренным этими правовыми актами» [21, с. 27]. Авторы вполне разделяют данную позицию, но снова подчеркивают, что критерий соединения прав и обязанностей в едином целом справедлив только для императивных полномочий, а равно той группы дискреционных полномочий, где уполномоченный субъект обязан реализовать полномочия, совершив (на свой выбор) определенные активные действия. Отсюда следует, что наделение лица полномочиями предполагает в дальнейшем совершение им действий в рамках определенного для него законом коридора автономии воли. То есть правоприменитель, обладая определенным полномочием,

обязан реализовать его в определенной ситуации так, как это предписывает закон. Кроме того, реализация полномочия должна происходить определенным образом: дискреционные полномочия реализуются по одному из нескольких «сценариев», предоставленных законодателем на выбор правоприменителю; императивные полномочия дают субъекту – правообладателю – возможность реализовать их лишь строго определенным образом. Кроме того, в последнем случае устанавливается обязанность реализации такого права самим субъектом-правообладателем – уполномоченным лицом.

По итогам исследования рассматриваемых понятий авторы пришли к следующим результатам:

1. Уголовно-процессуальные полномочия являются частным случаем формы существования субъективных уголовно-процессуальных прав.

2. Властные полномочия в уголовном процессе целесообразно разделять на дискреционные полномочия и императивные полномочия, так как в основе определения этих понятий лежат различные совокупности критериев разграничения их со смежными понятиями (в том числе и друг с другом).

3. По мнению авторов исследования, властные дискреционные полномочия в уголовном процессе – это субъективные уголовно-процессуальные права, принадлежащие в соответствии с нормами УПК РФ властному субъекту – правоприменителю (уполномоченному лицу), реализация которых возможна несколькими способами – на усмотрение самого уполномоченного лица.

4. Императивные полномочия – это субъективные уголовно-процессуальные права, принадлежащие согласно нормам УПК РФ властному субъекту – правоприменителю (уполномоченному лицу), которые должны быть реализованы строго определенным образом уполномоченным лицом в предусмотренных законом случаях.

5. Универсальное же понятие властных уголовно-процессуальных полномочий может звучать следующим образом: властные полномочия – это субъективные права властного субъекта – правоприменителя, принадлежащие ему на основании норм уголовно-процессуального закона, являющиеся частью его правового статуса, реализуемые уполномоченным лицом в публичных интересах и гарантии реализации которых обеспечены государственным принуждением.

ВЫВОДЫ

Сравнивая понятия субъективных уголовно-процессуальных прав и властных уголовно-процессуальных полномочий, авторы статьи приходят к следующим выводам:

1. Властные полномочия являются специфической формой существования субъективных прав.

2. Субъективные уголовно-процессуальные права принадлежат всем без исключения субъектам уголовного процесса. Властные полномочия могут принадлежать лишь субъектам, действующим от имени государства и преследующим публичный интерес.

3. Властные полномочия реализуются уполномоченным лицом в публичных (общественных) интересах, в то время как субъективные уголовно-процессуальные права, как правило, реализуются в интересах самого субъекта – правообладателя.

4. Существенная группа властных полномочий в уголовном процессе построена по формуле «право + обязанность», где они составляют единое целое, образуют систему. Однако авторами не ставится вопрос разграничения субъективных прав и властных полномочий в зависимости лишь от данного критерия, потому что он не является универсальным, так как не характерен для группы дискреционных полномочий, в которых присутствует элемент диспозитивности относительно их реализации путем совершения активных действий.

Статья подготовлена по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», Тольятти, 14–15 марта 2019 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.
2. Сильченко Н.В. Роль и место понятия «типология» в понятийном аппарате общей теории государства и права // Право и правотворчество: вопросы теории. М.: Институт государства и права АН СССР, 1982. С. 55–63.
3. Соболев С.А. Значение понятийного аппарата в науке трудового права и трудовом законодательстве России // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25. № 6. С. 188–191.
4. Смирнов А.П. Субъективные публичные и субъективные частные права: особенности их защиты // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6. С. 109–113.
5. Бекбаев Е.З. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования // Бизнес в законе. 2011. № 3. С. 37–39.
6. Иванов Э.И. Понятие субъективного права // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 182–191.
7. Карпов Е.Н. Некоторые направления решения проблемы недостаточно определенного процессуального положения субъектов уголовного процесса // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 87–90.
8. Садикова У.В. Об эффективности дифференциации процессуальных полномочий властных субъектов уголовного судопроизводства и дальнейшем совершенствовании их процессуальных взаимоотношений // Труды Академии управления МВД РФ. 2018. № 3. С. 124–128.
9. Ахматов И.И. Уголовно-процессуальные правоотношения между органами государственной власти и должностными лицами // Право: история, теория, практика: материалы III Международной научной конференции. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 113–118.
10. Пустобаева Л.А. О понятии субъективного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 3. С. 47–54.
11. Ремнев В.И. Право жалобы в СССР. М.: Юрид. лит., 1964. 132 с.
12. Котин А.Ю. Соотношение понятий «субъективное право» и «законные интересы» // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории

- и практики (Серия «Юридические науки»). 2011. № 1. С. 27–30.
13. Татарова А.Д. Понятие и признаки дискреционных полномочий судей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 9. С. 110–114.
 14. Пронин К.В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2011. 168 с.
 15. Попова А.В. Дискреционные полномочия прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России и других стран СНГ // Законность. 2017. № 8. С. 21–25.
 16. Ефремова О.М. Понятие, сущность и значение дискреционных полномочий следователя // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 17–20.
 17. Степанова Т.А. О соотношении понятий «полномочия начальника подразделения дознания» и «процессуальный статус начальника подразделения дознания» // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 4. С. 60–65.
 18. Насонова И.А., Степанова Т.А. Полномочия начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе: понятие и классификация // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 111–114.
 19. Климова Я.А. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства: понятие и классификация // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3. С. 88–95.
 20. Масленникова Л.Н. Субъективные права и юридические обязанности – внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 38–46.
 21. Егорова Н. Служащий как специальный субъект преступления в уголовном праве России // Уголовное право. 2004. № 2. С. 26–28.
 6. Ivanov E.I. The concept of subjective right. *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik*, 2011, no. 8, pp. 182–191.
 7. Karpov E.N. The ways to find solution the issue about not exact stated legal status of subjects of criminal procedure. *Biznes v zakone*, 2009, no. 4, pp. 87–90.
 8. Sadikova U.V. On the Effectiveness of Differentiating the Procedural Powers of the Authoritative Subjects of Criminal Justice and Further Improvement of Their Procedural Relationships. *Trudy Akademii upravleniya MVD RF*, 2018, no. 3, pp. 124–128.
 9. Akhmatov I.I. Criminally-remedial legal relations between governmental authorities and public officials. *Pravo: istoriya, teoriya, praktika: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sankt Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ., 2015, pp. 113–118.
 10. Pustobaeva L.A. On the notion of a subjective law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 1984, no. 3, pp. 47–54.
 11. Remnev V.I. *Pravo zhaloby v SSSR* [The right of complaint in the USSR]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1964. 132 p.
 12. Kotin A.Yu. Meaning correlation “subjective law” and “legal interests”. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Gosudarstvo i pravo: voprosy teorii i praktiki (Seriya “Yuridicheskie nauki”)*, 2011, no. 1, pp. 27–30.
 13. Tatarova A.D. The concept and features of discretionary powers of judges. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*, 2014, no. 9, pp. 110–114.
 14. Pronin K.V. *Diskretsionnye polnomochiya suda v ugovnom sudoproizvodstve* [Discretionary authority of the court in criminal court procedure]. Moscow, YurLitinform Publ., 2011. 168 p.
 15. Popova A.V. Discretionary powers of a public prosecutor for conclusion of a pre-trial cooperation agreement in criminal proceedings in Russia and other CIS states. *Zakonnost*, 2017, no. 8, pp. 21–25.
 16. Efremova O.M. Concept, essence and importance of discretionary powers of the investigator. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2010, no. 1, pp. 17–20.
 17. Stepanova T.A. On the relationship between the concepts “powers of the chief of inquiry divisions” and “procedural status of the chief of inquiry divisions”. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2012, no. 4, pp. 60–65.
 18. Nasonova I.A., Stepanova T.A. Powers of the chief divisions of inquiry in the Russian criminal procedure: definition and classification. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2012, no. 2, pp. 111–114.
 19. Klimova Ya.A. Powers of the prosecutor at the final stage of pretrial proceedings: definition and classification. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2015, no. 3, pp. 88–95.
 20. Maslennikova L.N. Subjective rights and legal duties – internal factors determining trends in the development of criminal justice. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 2018, no. 2, pp. 38–46.
 21. Egorova N. An official as a special crime committer in the criminal law of Russia. *Ugolovnoe pravo*, 2004, no. 2, pp. 26–28.

REFERENCES

1. Vasilev A.M. *Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava* [Legal categories: methodological aspects of development of the system of categories of legal theory]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1976. 264 p.
2. Silchenko N.V. The role and place of the concept “typology” in the conceptual framework of general theory of law and state. *Pravo i pravotvorchestvo: voprosy teorii*. Moscow, Institut gosudarstva i prava AN SSSR Publ., 1982, pp. 55–63.
3. Sobolev S.A. Importance of conceptual apparatus in labor science and labor legislation of Russia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2015, vol. 25, no. 6, pp. 188–191.
4. Smirnov A.P. Subjective public and subjective private rights: specific features of their protection. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2016, no. 6, pp. 109–113.
5. Bekbaev E.Z. Subjective rights and legal obligation in the mechanism of legal regulation. *Biznes v zakone*, 2011, no. 3, pp. 37–39.

ON THE QUESTION OF CORRELATION OF THE CONCEPTS “AUTHORITATIVE POWERS”
AND “LEGAL RIGHTS” IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

© 2019

S.V. Yunoshev, PhD (Law), Associate Professor,
Head of Chair “Criminal Law and Procedure”

M.Yu. Zhirova, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

V.V. Ubasev, student, Faculty of Law
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: criminal procedure; criminal proceedings parties; legal rights; authoritative powers; discretionary powers; mandatory powers.

Abstract: The paper deals with the problem of correlation of key concepts of criminal procedure – “legal rights” and “authoritative powers”. The authors establish that today, the legal definitions of these concepts are missing and the doctrinal interpretations do not solve the problem of their ambiguity and consequently the problem of different interpretation both in the procedural science theory and in legal precedents. It is shown that in the frame of criminal procedure, the right of any party to the criminal process should be legally provided due to the domination of the mandatory method of legal regulation. In the context of distinction of the concepts under consideration, the authors give attention to the different legal natures of the discretionary and mandatory powers. The authors emphasize that in science, the conventional point of view about the inseparability of legal rights and corresponding obligations of other parties within a certain legal relationship exists. However, the paper justifies the conclusion that such relation in respect to the criminal procedure authorities is not so evident. Such an approach is exactly valid for the mandatory powers and for the part of discretionary powers but for those where the law allows the active variant of their implementation only – through the actions but not nonperformance. Reasoning from this fact, the authors consider the authoritative criminal-procedural powers as a particular case of legal rights having, however, a number of essential peculiar features. The paper shows as well that, according to the general rule, it is prohibited to consider the concept “powers” as an ordinary collection of rights and obligations because the rights and obligations in respect of authoritative empowered parties are often an integral whole and compose a continuous system.